

Переводчик

Автор:

Александр Шувалов

Переводчик

Александр Шувалов

«...Эта книга о тех, кого как бы нет. Любое государство стыдливо открещивается от того, что держит на службе зубастых боевых псов, которых время от времени приходится спускать с поводков и отдавать команду «Фас!». А ежели что не так, честно глядя в глаза всей остальной мировой общественности, со всей прямоотой и откровенностью признавать, что знать их не знает и ведать не ведает, откуда и по какому поводу они, такие красивые, взялись и кого-то там порвали на тряпки.

Сами-то они это прекрасно осознают и не питают напрасных надежд, что их выручат, выкупят и, просто, не забудут, потому что знали, на что шли, когда шли. Кстати, не из-за денег, чинов и прочих соцпакетов. Это уже к слову об обожаемом отечестве...»

Александр Шувалов

Переводчик

Как, черт возьми, красиво шла пехота!

Как четко отбивала шаг в пыли,

Хоть умирать нам было неохота,

Но как же, черт возьми, красиво шли!

Блестели галуны и колыхались

Султаны на солдатских киверах,
Бил барабан и флейты заливались,
И солнце отражалось на штыках.
Мы шли неудержимо, грозно стройно
И бой уже кипел невдалеке,
А впереди полка с лицом спокойным
Шагал полковник с саблей в руке...
А после бой – ты помнишь, как все было?
Как растекалась лужей кровь в пыли,
Как били пушки, как картечь косила,
Как после в штыковую мы пошли?
Какой был бой! Сошлась на силу сила,
Мы взяли батарею и редут...
Да, брат ты мой, давно все это было...
А нынче что? Вина не поднесут!
Мы не нужны, все вместе и отдельно,
Полковник пал наш, этим – все равно.
Пойдем, я крест свой заложу нательный,
Помянем всех... Нам хватит на вино!

Анатолий Минин

От автора

Эта книга о тех, кого как бы нет. Любое государство стыдливо открещивается от того, что держит на службе зубастых боевых псов, которых время от времени приходится спускать с поводков и отдавать команду «Фас!». А ежели что не так, честно глядя в глаза всей остальной мировой общественности, со всей прямоотой и откровенностью признавать, что знать их не знает и ведать не ведает, откуда и по какому поводу они, такие красивые, взялись и кого-то там порвали на тряпки.

Сами-то они это прекрасно осознают и не питают напрасных надежд, что их выручат, выкупят и, просто, не забудут, потому что знали, на что шли, когда шли. Кстати, не из-за денег, чинов и прочих соцпакетов. Это уже к слову об обожаемом отечестве.

Когда рухнул как карточный домик громадный и бестолковый колхоз под названием Союз Советских Социалистических Республик, евойный председатель спереди собственного визга перестроился и подался рекламировать пиццу, саквояжи и прочий ширпотреб. Пришедший на место главы оставшихся земель видный демократ со строительным образованием, выпил сорокаградусной и начал раздавать кому ни попадя тучные нивы и леса с озерами. Ни ему, ни челяди так и не пришла в голову простая мысль о том, что вокруг них – соседи, а им лишняя земля и то, что в ней, не помешают. Да и соседи уж больно дружелюбно улыбались, металлокерамикой поблескивая... Короче, псов разогнали, позабыв сказать мерси. Флот порезали на иголки, из ракет понаделали дачных домиков, танки пустили на переплавку. Получили за все это от благодарных соседей денежку, тут же ее скрали и между собой распилили. Лепота!

А потом протрезвели слегка, батюшки светы, да они нас, они у нас, они нам бяку, нож в спину падлы такие, а, ведь, клялись, божились, крест нательный взасос лобызали. Вот тебе и друг Билл, друг Гельмут и прочие Рю с Жаками! А мы им душу нараспашку, сердце наизнанку! Как же так же? А, вот так. Как говорится, ничего личного. Просто, свое защищать надо, а то охотников много. А вы псов-то поразогнали, ружья пропили. И за тем, что на своей земле творится, тоже строгий пригляд нужен. Люди, они, ведь, разные бывают. Так-то.

Сейчас, слава Богу, наступило время собирать камни. Моя страна, расправляя плечи, потихоньку занимает свое законное место среди других, место великой державы. Другого места у нее нет и быть не может, такая уж судьба. Непросто это, конечно, уж больно много наколбасили предыдущие ораторы.

Однако, думаю, справимся. И место, себе подобающее, займем и с соседями как следует отношения наладим, равноправные без лишних иллюзий и последующих разочарований, а дома у себя разную нечисть выведем и уборку сделаем, чтобы впредь не заводилась. Все эти бомбисты, террористы и прочие нелюди подобны вшам и заводятся только там, где грязь.

Верю, что все у нас получится. Очень хочется верить.

Описанные в книге события, все до одного, автор выдумал, в отличие от персонажей, которые ему просто приснились. Хотя...

Часть первая

Историко-филологическая

Лирическое отступление первое. Вошедшее в легенду

Это случилось в горной и гордой Чечне в 2002 году. То, что в официальных сводках именуется «незаконным вооруженным формированием», а на самом деле – банда Арслана Турпаева, бригадного генерала вооруженных сил ни от кого не зависящей Ичкерии, захватила генерала ГРУ Владислава Легоминова. Вообще-то, они давно и успешно промышляли похищением людей. Расцвет деятельности этого милого сообщества пришелся на годы первой чеченской и последовавший за этим период фактической независимости горной республики, когда подобного рода бизнес расцвел там пышным цветом, и Арслан был в нем одним из наиболее успешных топ-менеджеров. Его нукеры похищали людей в самой Чечне, в России, за ее пределами, в странах ближнего зарубежья, группами и по одиночке, исходя из собственных интересов и под заказ.

С началом нового века многое изменилось, прежде всего, в самой России. Все больше учредителей грандиозной коммерческой аферы с немалым уставным капиталом и, казалось, безграничным административным ресурсом под названием «Чеченская война», теряли доступ к рычагам власти и оказывались, кто где: на нарах, Канарах, или вовсе даже в добровольной ссылке в Лондоне. Но не все. А потому бизнес «бригадного генерала» и ему подобных, пускай со скрипом, но продолжался.

Сам Турпаев так и не понял, что над его удамой головушкой собираются серьезные тучи. Заказы ему, как и раньше, поступали достаточно регулярно и он ни в коей мере не чувствовал себя трестом, который скоро лопнет. Его московский покровитель по-прежнему оставался у власти и верилось, что так здорово будет всегда, но жизнь, как всегда неожиданно и жестко, все это дело испохабила.

Его взяли под наблюдение, грамотно и скрытно, на выезде из родового села и довели до большой пещеры в горах, где содержались заложники. Тоже реалии нового времени – парой лет раньше их прятали по подвалам прямо в селах, теперь это стало опасно.

Через, приблизительно, пятьдесят километров к «генеральской» автоколонне, достаточно скромной по местным меркам – три джипа и «Нива» присоединилась машина с какими-то персонажами, очень похожими на журналистов, причем, нероссийских и еще один джип сопровождения. Стало ясно, что на сей раз готовится какая-то пакость с политическим душком и это отчасти объясняло присутствие лично Турпаева: уж очень этот красавец любил попиариться...

Единственный вход в пещеру охраняли четверо. Они беспрепятственно запустили вовнутрь четырнадцать бандитов с оружием и троих отчего-то радостно переговаривающихся по-английски акул пера с техникой для видеосъемки. Сопровождающие их бородачи остались ждать снаружи, метрах в пятистах. Всех их, плюс четырех часовых, плюс двоих из группы Турпаева покончили быстро и без шума. Дальше, однако, начались проблемы.

Внутри пещеры хитрый бригадный бизнесмен оставил часового. Его, конечно же, тоже угломонили, но шум поднять он успел. Дальше ситуация сложилась насквозь патовая: спецназ не мог продвигаться вглубь, опасаясь за жизнь заложников, бандиты не могли выйти наружу и, что самое для них нехорошее, не могли вызвать подкрепление: пойдика, позвоника сквозь плотный камень –

«Абонент на звонки из пещеры не отвечает. Вы, что охренели?..»

В итоге дело дошло до переговоров под честное слово командира спецназа и его же глубокую уверенность в том, что с заложниками не будут церемониться, если что не так. На переговоры со стороны осажденных вышел сам Арслан. Если бы его видела в этот момент одна из дамских писательниц, так любящая описывать знойных кавказских мачо!

Высокий красавец в новехоньком натовском камуфляже (Чечня, видать, вступила в этот блок раньше Грузии с Украиной), тонкое мужественное лицо с орлиным носом и шрамом на щеке, длинные, зачесанные назад волосы с легкой проседью. Болезненно тонкая талия, подчеркивающая размах широких плеч. Вах, короче!

Россию на этих переговорах без галстуков представлял высокий седоватый офицер в выгоревшем и пропыленном камуфляже без знаков различия, выглядевший куда как менее выигрышно на фоне своего собеседника. На такого персонажа вышеупомянутая дамская писательница просто бы не обратила внимания.

Арслан, как истый кавказец, повел переговоры первым номером.

– Чего тебе надо?

– Шоколада.

– Я серьезно.

– А сам не понял? Вы возвращаете нам заложников, сдаетесь, а лично ты отвечаешь на пару моих вопросов, тогда, может быть, оставлю тебя в живых.

– А если иначе? Я даю тебе денег, ты столько за всю свою жизнь не заработаешь, и мы расходимся краями. Как тебе?

– Никак.

- Ну, если ты такой тупой, давай так, я сейчас позвоню и тебе через час прикажут возвращаться на базу и забыть обо мне. Как тебе это?

- Снова никак. Никуда ты звонить не будешь. Лучше потом дашь мне этот номерок, я уж сам позвоню.

- А ты представляешь себе, что будет с теми? – И он кивнул в сторону пещеры.

- А ты представляешь, что будет с тобой?

- По закону...

- Я не очень строго соблюдаю законы. А умирать ты будешь долго и тебе будет очень плохо. Ты поверь, мы это умеем.

- Я смерти не боюсь.

- Ты просто не знаешь, какая она бывает.

- А журналисты иностранные? С ними как?

- А нет здесь журналистов, только бандиты и заложники.

Переговоры явно заходили в тупик. Арслан еще немного попугал непонятливого русского своими связями в верхах и кровной мезьтью до седьмого колена вплоть, а тот, зевнув, сообщил, что через полчаса пустит в пещеру газ, как тогда на Дубровке и откачает, кого получится. Наконец Турпаеву пришла в голову блестящая, как ему показалась, мысль и он решил взять противника «на слабо».

- Хорошо, давай поступим по обычаям предков: выставляем по одному бойцу с каждой стороны и они дерутся без оружия до смерти одного из них. Если победит мой, мы уходим с заложниками, если твой – будет по-твоему.

- А, что – заглотнул наживку глупый русак – Давай. Вот мы с тобой и выясним накоротке, кто кого.

- Генералы со всякими там капитанами не дерутся. Понял?

- Понял, как не понять. Ссышь, значит.

- Думай, что хочешь, - с трудом проглотил непереносимое для кавказского мужчины оскорбление Арслан. - Сделаем так...

В итоге они договорились, что с каждой стороны на площадке перед входом в пещеру будет по четыре человека, включая командира, одного безоружного бойца и двоих вооруженных на всякий случай.

Через десять минут вооруженные бойцы каждой из сторон заняли свои позиции. Арслан и русский офицер, каждый со своим бойцом, сошлись в центре площадки.

- Это Мага - сказал Турпаев, положив руку на плечо своему бойцу, для чего ему пришлось поднять ее выше своей головы, так высок был тот. И, вообще, это был еще тот экземпляр: два метра ростом, плечи и грудь горной гориллы, талия балерины, поступь барса, взгляд орла. Было, чем полюбоваться! Упомянутая выше дамская писательница при виде такого великолепия излюбила бы за ночь вдрызг свой любимый фаллоимитатор в порыве неистовой страсти.

- А это, вот, мой, - русский приобнял за плечи своего бойца, выглядевшего сущей карикатурой рядом с великим и ужасным Магой - на полголовы ниже своего командира, тусклый какой-то, остроносый и щуплый с виду.

- Ну, вы попали, ребята, - во все горло захохотал хитрый горский бизнесмен, явив публике два ряда белоснежных зубов турецкого производства. - Мужик, - обратился он к кандидату в покойники, - ты хоть раз в жизни дрался?

- А как же, - ответил за своего подчиненного еще не осознавший, как он попал, русский. - В восьмом классе дрался с второклассницей. Вел три раунда по очкам, а в четвертом проиграл нокаутом. А что?

- Да, собственно, ничего. Вы слышали, что такое «санда»?

Русские переглянулись.

– Откуда? – снова ответил командир.

– Я почему-то так и подумал. «Саньда» это такое очень конкретное боевое искусство. Китайское. Так вот, Мага выиграл шесть международных турниров.

Русские снова переглянулись. Щуплый пожал плечами.

– Бывает.

– Десять минут на подготовку, – голосом судьи в ринге объявил Турпаев.

Гигант Мага скинул с себя куртку и начал разминку перед боем. С голым торсом он выглядел еще устрашающе. Казалось, человек с такой мускулатурой одним ударом убьет слона и без особого труда задушит в объятиях удава. Кроме всего прочего, выяснилось, что у него очень даже неплохая растяжка и четкие отточенные движения. Он садился на шпагат, вскакивал в высоких прыжках, пронзал с резкими криками воздух сериями ударов. В атмосфере, как любит говаривать один из моих знакомых, ощутило запахло осликом...

Его противник очень по-своему воспринял предложение подготовиться к бою. Он закурил дешевую сигарету без фильтра и уселся рядом со своим командиром на камушек, о чем-то тихо беседуя.

– Время, – посмотрев на часы, объявил в предчувствии триумфа взявший на себя обязанности распорядителя Турпаев.

– Давай, – командир хлопнул своего бойца по плечу. – Все помнишь, Володя?

– Все будет в порядке, Бегемот, – тот скинул куртку, снял через голову тельняшку и вразвалку пошел навстречу противнику. Кстати, без одежды он не казался таким уж и щуплым, но все равно в одну калитку проигрывал Маге по экстерьеру: сантиметров тридцать в росте и килограммов сорок в весе.

– Начали, – и Мага принял боевую стойку. Русский зевнул и засунул руки в карманы, с усмешкой глядя на противника. Не привыкший к такому хамству, Мага озверел и решил закончить схватку быстро и больно. – Йаа! – он сделал короткий шажок левой и поднял правую ногу вверх, ступней в небо, собираясь

нанести так называемый «экс-кик»: удар, при котором нога сначала поднимается почти вертикально вверх, а потом опускается пяткой на голову или ключицу несчастного противника. Учитывая разницу в габаритах, на этом жизнь так опрометчиво выставленного для поединка русского бойца должна была завершиться, быстро и страшно.

Никто толком и не заметил, как он перешел из разболтанной стойки «руки в карманах» к действию. Нога его противника только поднималась вверх, когда он двумя легкими танцующими шагами переместился вправо и носком правой ноги резко ударил, как выстрелил, сбоку по опорной ноге нападающего в районе коленной чашечки, вынеся ее к чертовой матери. И тут же воткнул левую руку с плотно сжатыми выпрямленными пальцами ему в горло.

Впавшие на короткое время в ступор Арслан со своими бойцами, с ужасом смотрели, как Мага, непобедимый гигант Мага, победитель двух международных турниров (ну, приврал немного, исключительно, понту для), с кровавой раной вместо горла, опадает в пыль лицом вниз.

Этого времени вполне хватило для дальнейшего развития событий уже по другому сценарию. Русский боец, перекатившись через плечо, ткнул обалдевшего Турпаева своим железным пальцем в ухо, прихватил удушающим за шею левой, а «беретту», извлеченную из пижонской горизонталки чеченца, приставил к его правой почке. Все это у него заняло считанные секунды.

Одновременно с этим, даже чуть раньше, прозвучали два приглушенных хлопка – в руке у русского командира как бы сам по себе оказался пистолет с глушителем и оба вооруженных бандита направились напрямиком а ад.

Дальше переговоры пошли веселее. С ужасом глядя на стоящего рядом с ним невысокого русского терминатора, которого командир называл Боксером, а другие подошедшие русские бойцы – дядей Володей, начисто сломавшийся Арслан Турпаев отдал своим людям все необходимые команды – выходить и сдаваться.

– И не вздумай шутить, – предупредил его русский. – Я понимаю по-вашему.

Все закончилось достаточно быстро. Бандитов и приехавших воспевать их подвиги журналистов связали как баранов, несмотря на стенания гиен пера о

попираемой демократии. Вскоре прибыл спецназ ФСБ, по официальной версии, совершивший захват банды и освобождение заложников, всех, кроме генерала Легоминова, естественно.

Группа убыла к ожидающему ее вертолету на захваченных джипах, прихватив с собой для компании Турпаева. Уехали вовремя, удачно разминувшись с группой телевизионщиков, следующей к месту триумфа российских спецслужб в сопровождении офицеров пресс-центра группировки федеральных войск.

На полдороге командир приказал остановиться. Он вышел полюбоваться ущельем, мимо которого проходила горная дорога в компании бывшего хозяина жизни и крутого местного бизнесмена. Компанию им составил Боксер или дядя Володя, называйте как хотите. Он заботливо поддерживал «бригадного генерала» под локоток, приводя его в трепет одним своим видом. Турпаев раскололся, как говорится, до задницы. Он охотно и подробно ответил на все вопросы и показал на своем телефоне заветные номера. Беседа продолжалась минут тридцать и закончилась как-то неформально. Командир кивнул, а Боксер одним коротким движением сломал допрашиваемому шею и сбросил его на дно ущелья прямо в протекающую через него мутную речушку без названия.

Когда вертолет набрал высоту, командир группы подошел к освобожденному генералу и, хлопнув по плечу, спросил:

– Стас, водки хочешь?

– Очень хочу, с тушенкой, если можно.

И пусть вас не удивляет такое запросто-фамильярное отношение к высокому воинскому чину со стороны не очень высокого – в реальной жизни Станислав Фролов имел то же звание, что и командир группы, которого страшный человек дядя Володя Боксер накануне боя назвал Бегемотом, то есть, был подполковником. Кроме всех прочих талантов, он обладал изрядным даром перевоплощения и сыграть вальяжно-хамоватого «дикорастущего» московского генерала ему было нетрудно. На такого вот живца в виде самопального генерала с «неограниченными полномочиями» и попался простодушный чеченский бизнесмен Турпаев и его поделщик – одна такая сука из штаба группировки в генеральском чине.

- Сейчас дадут. Били сильно?

- Когда захватили, немного банок накидали для испуга. Я и испугался. Больше не били, только жрать почти не давали.

Самый молодой офицер группы, старший лейтенант Борис Комиссаров, позывной Альт, которого за молодость и юношескую наивность в группе называли не иначе как Борюсик, по-детски восторженно глядя на умиротворенно курящего человека с позывным Боксер, выдал:

- Как вы этого слона кончили, дядя Володя, я уж думал, все, кранты.

- Спортсмены, - ответил тот, махнув рукой.

- Между прочим, Альтенок, - пользуясь случаем, решил повоспитывать подчиненного командир, - я ведь против того, как ты сказал, слона мог и тебя выпустить и ты его должен был сделать. Ясно?

- Ясно, командир, - и опять полез с вопросами, - дядя Володя, Вы ведь даже не разминались перед боем, почему?

- Всегда нужно быть готовыми, мы ведь не спортсмены, а бойцы.

- Командир, - не выдержал еще один недавно принятый в группу боец, - а правда, что дядя Володя - лучший рукопашник в спецназе?

- Одни говорят, что он, другие, что Сова.

- Сова - лучший, - Боксер снова закурил.

- Так ему, говорят, уже за пятьдесят.

- Сова и в восемьдесят будет лучшим.

Когда в доску пьяного Фролова заносили в транспортник, следующий на Москву, он вдруг открыл глаза и приказал несущим его тело впредь обращаться к нему исключительно по воинскому званию «товарищ генерал-подполковник» и опять отключился.

Самолет набрал высоту и взял курс на столицу Родины, которая у нас все-таки осталась, на Москву. Командир подсел к безмятежно любующемуся видом из иллюминатора.

– Ну, что, дядя Володя, сборы офицеров запаса закончились?

– Завтра заканчиваются.

– Выпьем?

– Можно.

– Спасибо, что сходил с нами, показал молодым, как работать надо.

– Обращайтесь.

– Как тебе ребята, кстати?

– Нормальные ребята.

Глава 1

Вводно-фонетическая

В ту ночь ему в кои-то веки не приснился тот, давно проигранный бой, и он проснулся с простодушной и радостной, как когда-то в юности, улыбкой.

Вообще-то здорово просыпаться оттого, что ты проснулся и выспался, а не оттого, что какая-то сволочь орет над ухом «Подъем». Давненько уже Сергею не доводилось слышать по утрам своей «любимой» команды, но факт ее отсутствия даже с годами не переставал радовать.

Радостное с утра настроение необходимо срочно закрепить и усилить, а потому следующие полтора часа были посвящены интенсивной разминке. Сначала были разогреты суставы и отработана растяжка. Затем Сергей покрутил педали велотренажера, задумчиво глядя в окно, полчаса поработал на универсальном тренажере (никакой штанги или гирь: надо беречь то, что осталось от когда-то здорового позвоночника и, вообще, тяжести закрепощают). И, наконец, на десерт – три раунда на мешке. Претензий от соседей из-за производимого физкультурой шума Сергей не опасался, так как когда делал ремонт денежки не пожалел, а потому звукоизоляция была прекрасной и в квартире не только по мешку можно было со всей дури стучать, но и организовывать банкеты, драки на десять персон или даже громко слушать тяжелый рок. Впрочем, разными глупостями Сергей у себя дома не занимался и, вообще, лишнего шума никогда не любил.

Выйдя из душа, он подошел к большому зеркалу в прихожей, привычно посмотрел на свое отражение и увидел, что и ожидал увидеть: седую голову мужика около 40 (плюс – минус пару-тройку лет) и тело действующего боксера-полутяжа.

Пришло время начать зарабатывать тяжким трудом на хлеб насущный, а потому Сергей прихватил чашку крепкого кофе, сигареты и отправился к компьютеру, в недрах которого его ожидал текст на китайском языке. Сергей трудился не абы где, а в бюро переводов, где считался неплохим специалистом по китайскому и английскому. В китайском он вообще был монополистом, переводил хорошо, но долго и особых претензий к нему не было, все понимали, что язык трудный. На завершение работы у него оставался всего один день, но Сергея это мало волновало: китайский он знал гораздо лучше, чем старался показать и шесть листов текста с иероглифами планировал перевести и отредактировать часа за три-четыре, прерываясь на перекуры, спортивные новости по ящику и обед.

Где-то через полтора часа неторопливой работы зазвонил телефон. Сначала кто-то хрипло дышал в трубку, а потом хамовато и с матерком спросил, куда он, мать его, попал.

Сергей кротко ответил неизвестному собеседнику, что тот попал пальцем в жопу и повесил трубку.

Судя по всему, эта содержательная беседа подействовала на несчастного переводчика как допинг: перекуры прекратились, ТВ так и не был включен и еще через пару часов перевод был выстрадан, отредактирован и отправлен по назначению. Совершив все эти подвиги, Сергей позвонил на работу и строгим голосом сказал, что через час будет и попросил приготовить его гонорар с учетом последнего сделанного перевода. Упоминание о гонораре и строгость в голосе были явно не лишними, так как владелица фирмы – ушлая баба с когда-то педагогическим образованием славилась тем, что работой загружала охотно, а платила вяло и все норовила «накормить завтраком» (сейчас денег нет, зайдите на неделе, а, кстати, вот вам еще переводик небольшой, за все сразу и рассчитаемся...). С Сергеем, однако, такие трюки не проходили, после первой же попытки мадам сыграть в свою любимую игру на деньги он спокойно сообщил ей, что собирается устроиться на работу в переводбюро по соседству и просит дать ему рекомендацию. Мадам тонкий намек тут же поняла и после этого случая стала относиться к Сергею с определенным уважением и даже почти не обсчитывала его при оплате.

Одеваясь перед выходом в город, Сергей надел под свитер широкий и толстый матерчатый пояс и у него появился небольшой, но заметный пивной животик. И это правильно, у большинства мужиков его возраста он есть, значит так и должно быть, ибо не только скромность, но и пузцо – отличительные черты интеллигентного мужчины средних лет, да к тому же еще и филолога.

Закончив одеваться, Сергей критически осмотрел себя в зеркале, немного ссутулил плечи и вышел из дома.

Глава 2

Я уеду в Иваново...

К бюро переводов с гордым названием «Полиглот», расположенному в тихом переулке рядом с метро «Бауманская» («Дауновская» как ласково называют это место студенты из близлежащих ВУЗов), Сергей добрался достаточно быстро и без особых приключений. Нельзя же в наше судьбоносное время считать приключением езду в автомобиле по Москве? Конечно же, нельзя. Ну, подрежут пару раз какие-нибудь юнцы, охреневшие вконец от мощи подаренных папами авто или едва не организуют «русский таран» «лица кавказской национальности», гордо разъезжающие по российской столице на иномарках, приобретенных на заработанные честным трудом деньги, Очень честным и очень трудом, типа торговли не ими выращенными фруктами, или там наркотиками. Ерунда это, а не приключение. Народ на Москве привык уже и спокойно разъезжает, бодренько уворачиваясь от неприятностей, или же создавая их для других.

Аккуратно припарковавшись, Сергей не спешил покинуть машину: некоторое время посидел в салоне, погримасничал, придал лицу специфическое филологическое выражение и качестве заключительного штриха достал из бардачка очки с простыми стеклами и водрузил себе на нос. Китаист должен быть очкариком, ибо изучение и работа с данным языком здорово способствует развитию близорукости. Наконец он вышел из машины и пошел в офис, причем не привычной легкой походкой, а слегка пришаркивая. И это тоже правильно – у переводчика средних лет ножки от сидячего образа жизни должны быть слабенькими.

Долго он в «Полиглоте» не задержался, быстренько отработав обязательную программу: поглазел восторженно на офис-менеджера Яну на ресепшен, перекурил с коллегами, дождался, пока освободится шефиня, и заглянул к ней. Получил причитающийся гонорарий, а затем серьезно расстроил ее, сообщив, что на две-три недели уезжает в командировку что-то там переводить китайцам и с китайского.

Выйдя из офиса Сергей повел себя странно для человека, вот-вот собирающегося в аэропорт (помнится, заливал шефине, что через пять часов вылет). Он доехал до ближайшей платной стоянки, где и оставил своего железного коня. Позвонил из телефона-автомата и спросил Светлану. Раздраженный голос на том конце провода ответил, что он – уже десятый идиот, которому нужна Светлана, а та пять лет, как уехала к мужу в Одессу. Очевидно, внезапный отъезд коварной Светы настолько расстроил Сергея, что тот решил как-то развеяться и... стал кататься по Москве. Более двух часов он ездил в

метро. Время от времени поднимался на поверхность и начинал бороздить просторы столицы на автобусах, троллейбусах или в маршрутках. Устав от общественного транспорта, он решил прогуляться пешком. И прогулялся. А в конце пешей прогулки вообще учудил: зашел в супермаркет, с риском быть обворованным потолкался в толпе и ушел через служебный вход.

Он ехал в такси на автовокзал и думал, что только клинический идиот или шпион вместо того чтобы просто поехать и взять в камере хранения то, что ему там оставили, способен накручивать круги по Москве, стараясь засечь и сбросить наружку. И, в то же время, понимал, что вбитые многими годами навыки никогда не позволят ему поступить иначе.

Когда-то его занесло в Иваново, еще в той, другой жизни. Когда чеченцы еще не захватывали школы и больницы, а чеченили там у себя на малой родине, когда профессия офицера была не только героической, но и еще престижной, когда ни один государственный муж не мог позволить себе надраться как стадо свиней и возжелать как последний Ростропович подирижировать оркестром где-то за рубежом... Короче когда-то давно у Сергея был хороший друг Виталя Новоселов из Иваново. Так вот, Сергей ездил в то самое Иваново к Витале на свадьбу и тот хохмы ради показал другу единственный в СССР Конспиративный переулок. Они еще смеялись, два молодых дурака и фантазировали, что скоро в Конспиративный понаедет со всего мира куча отставных шпионов и будут они, старые пердуны, следуя усердно вбитым в них привычкам и инструкциям, ходить из дома в булочную, или там аптеку, обязательно через Кострому или даже Ярославль, зорко отслеживая выцветшими старческими глазами, не пасет ли их кто. М-да, весело и пьяно было им тогда в Конспиративном... А Виталя через полгода погиб в Южной Америке.

Перед входом в автовокзал на телефонной будке висело объявление, написанное от руки неровным, очевидно старческим почерком, сообщающее, что пропал котик. Писавший был еще тот грамотей и вместо «котик» написал «коток». В объявлении был даже указан номер телефона, по которому нашедший странно названное животное мог позвонить и получить «вознаграждения», причем последнюю цифру телефонного номера без криптографа разобрать было невозможно. Сергей мазнул взглядом по объявлению, хмыкнул про себя и, не задерживаясь, прошел мимо. Теперь он знал не только номер ячейки в автоматической камеры хранения, но и цифровой код.

Когда он с жадностью уплетал дома поздний ужин в счет несъеденного обеда, тот же самый урод опять позвонил и начал пытаться, куда же он (урод) в очередной раз попал. Сергей с уверенностью подтвердил, что место попадания урота ничуть за прошедшее время не изменилось и он по-прежнему в жопе. На том и расстались.

После ужина настроение поднялось и в Конспиративный переулок ехать расхотелось. Может потом как-нибудь.

Глава 3

Сами мы не здешние...

Рассказывать о себе Сергей не очень любил, вернее – очень не любил, ибо справедливо полагал, что излишние знания всегда создают проблемы для того, о ком что-то знают. Ну, к примеру, считает обожаемая шефиня, что единственный китаист в ее фирме когда-то закончил пединститут где-то в Сибири или на Дальнем Востоке и долго работал с языком практически, и пусть себе считает. Потому, что узнай вдруг она, где ему довелось изучать эту иноземную мову и как он ей действительно владеет, то дамочка обязательно постаралась бы платить меньше, а требовать больше.

Сергей Волков родился в первой половине 60-х в Москве. Отец был скромным клерком в министерстве внешней торговли, а мать преподавала английский в военном институте иностранных языков. Ему не было и пяти, когда папу – выпускника Восточного факультета МГУ направили на скромную должность в торгпредство Советского Союза в Гонконг. В Гонконге папина карьера неожиданно резко пошла на взлет и на долгие годы он стал незаменимым. В торгпредстве было полно блатных мажоров и пламенных партийцев, но Москва требовала результатов, и кто-то должен был их давать. Так семейство Волковых и прожило в Гонконге долгих двенадцать лет, изредка выбираясь в отпуска в Союз.

Попав в столь юном возрасте в многоязыкий Вавилон, Волков-младший к семи годам бойко изъяснялся на «наньяне» (южный вариант китайского языка), всюду трепался по-английски и даже немного понимал французский. Такая вот компания сложилась у них во дворе. По достижении семи лет юного полиглота было решено отдать в школу для иностранцев с преподаванием на английском и китайском языках. А чтобы чадо не забывало язык Родины, дома с ним говорили только по-русски, да еще заставляли читать русскую же классику. Вот потому к семнадцати годам Сергей свободно изъяснялся на китайском в двух вариантах: южном диалекте и общегосударственном языке КНР «путунхуа», английском и прилично владел французским. Его папа не стеснялся пользоваться услугами юного дарования, а потому лет с пятнадцати Сергею довелось познать прелесть переводческой работы.

Если с учебной проблем особых не возникало, то отношения с одноклассниками порой строились непросто. Не секрет, что к советским гражданам никто, никогда и нигде не испытывал особых симпатий. Вообще-то, если честно, и на Родине-то их не особенно любили. Когда Сергею исполнилось десять, в его класс перевели трех юных штатников. И началось. Троица невзлюбила его мгновенно – как «коммуниста» во-первых, и как первого ученика во-вторых. Организовать бойкот «коммунисту» не получилось, тогда его стали отлавливать и поколачивать. А так как спастись бегством удавалось далеко не всегда, то вскоре Волков-младший начал регулярно приносить домой не только отличные отметки, но и синяки. С этим что-то нужно было делать, и на семейном совете решили, что сыну пора заняться спортом. Поэтому в один прекрасный день Волков-старший отвел сына в боксерский клуб «Цзинь Лун» (Золотой Дракон). Почему именно бокс, ведь в то время мир сходил с ума по восточным единоборствам, и в Гонконге было полно мест для желающих этой экзотикой заняться? Да потому, что Николай Владимирович в молодости сам не без успеха выступал на ринге и, что самое главное – он был прагматиком и реалистом. Как известно, ничто так не способствует развитию здорового прагматизма, как работа в сфере внешней торговли.

В боксе у Волкова-младшего почти сразу стало получаться. Выяснилось, что у него хорошая реакция, быстрота и при этом – унаследованные от папы прагматизм и трудолюбие. Вдобавок ко всему, кровожадные дебилы из школьной группы поддержки ни на минуту не давали расслабляться, и Сергей пахал в зале как проклятый. Где-то через полгода у него прорезались острые и резкие удары с обеих рук, достаточно неожиданные при его тогда хрупком телосложении. В итоге, когда святая троица в очередной раз подстерегла его в укромном месте, Сергей убежать не стал, а просто их всех отколотил, причем,

помня советы прагматика-папы, по физиономиям не бил, а от души настучал обидчикам по жирным пузам. Проигравшая сторона, покидая поле битвы, клятвенно обещала устроить «третью мировую войну», однако, на следующий день сначала сделала вид, что в упор не замечает Сергея, а потом и вовсе стала набиваться в друзья. Так, один из америкосов даже пригласил его к себе домой на день рождения. Папа посоветовал пойти и даже составил компанию сыну. Он выпил виски с отцом некогда избитого одноклассника, пригласил его к себе в гости и в итоге подружился. Результатом этой дружбы стал крупный контракт, подписанный американской фирмой-монстром с одной стороны и Министерством внешней торговли – с другой. Из всего умел извлекать пользу Волков-старший. Много лет спустя Сергей всерьез подумывал о том, что папа имел какое-то отношение к истории его вражды с юными штатниками, уж больно все сложилось складно по месту и времени.

Между тем успехи на ринге у Сергея росли как на дрожжах. Он стал чемпионом клуба, а затем и Гонконга, причем большинство боев закончил досрочно. Острые и резкие удары превратились со временем в нокаутирующие и редко кому удавалось продержаться против него более раунда. Команда клуба часто выезжала на международные соревнования: в Макао, на Филиппины и даже в Австралию, но Сергея туда не пускали и, вообще, в один прекрасный день папа посоветовал сыну ходить в боксерский зал не чаще двух раз в неделю, исключительно для поддержания формы. Сергей не стал спорить с родителем, он ограничил посещение боксерского зала, зато увлекся рукопашным боем. Занятия в группе вел отставной инструктор британских «коммандос», неизвестно каким ветром занесенный в Гонконг. Он учил реальному бою, без условностей и ограничений, присущих боксу и Сергей всерьез увлекся. К семнадцати годам он стал лучшим в группе и... все вдруг закончилось.

Неожиданно Волкова-старшего отозвали на Родину. А в Союзе начались сплошные чудеса. Сначала его наградили, причем почему-то орденом Боевого Красного Знамени, а потом быстро уволили из министерства.

На этом чудеса не закончились. Вскоре после возвращения супруги Волковы тихо и без скандала разошлись, разменяли московскую квартиру и разъехались по малым родинам: в Питер – отец и в Ростов-на-Дону – мать. Сергея берега Дона или Невы в одинаковой степени не прельстили, он полюбил Москву и уезжать из нее не захотел. Доучившись полгода в московской школе он (не без совета отца) поступил в Институт стран Азии и Африки при МГУ на отделение китайского языка, всерьез полагая, что, закончив институт с отличием, он сможет остаться

в столице.

Но не сложилось. В начале второго семестра Волков серьезно избил четырех пятикурсников-москвичей. Эти милые ребята для начала как следует напились, а потом решили продолжить банкет в институтской общаге. Будущие дипломированные востоковеды там еще изрядно добавили и их потянуло на подвиги, Они вломились в комнату к какой-то первокурснице и дело едва не закончилось гнусно, но, слава Богу, у девчонки хватило ума громко и пронзительно завизжать. На ее счастье и на беду остальных участников этого действия юный Волков в тот момент заглянул к девчонкам из своей группы по соседству вернуть занятый ранее учебник языкознания Реформатского.

Услышав мат и крики о помощи из соседей комнаты, он не нашел ничего лучшего, как вломиться туда и всерьез разобраться с несостоявшимися насильниками. Ребятки оказались не хилыми, поэтому бить пришлось всерьез, хорошо еще, что Сергею хватило ума ограничиться боксом. Результатом схватки оказались несколько выбитых зубов, сломанные ребра и нос с одной стороны и сбитые до локтей кулаки – с другой.

Вот тут все и закрутилось. Избитые идиоты все как назло оказались не из рабоче-крестьянских семей, а один – так и вовсе из достаточно «высоковольтных». В результате проведенного дознания со всей очевидностью выяснилось, что первокурсник Волков был зверски пьян, мерзко приставал к однокурснице, а когда за девичью честь вступились четверо трезвых как минеральная вода студентов пятого курса, вышеупомянутый Волков пришел в ярость и всех их, беззащитных, зверски избил. Дело закрутилось и... вдруг застопорилось. Как известно, студентов на выпускном курсе много, а хороших мест, где можно приложить свои знания – мало и соученики пострадавших (а вернее, их родители) этим не преминули воспользоваться.

В ходе повторного дознания выяснилось, что все – таки пятикурсники были пьяны и домогались. Едва не обещенная студентка, которая ранее указывала на Волкова, поменяла свои показания, Отыскались и другие свидетели. Оказалось, что Сергей – герой, а пострадавшие – вовсе даже наоборот.

Но и на этом дело не закончилось. Родители юных ублюдков подняли связи и задействовали административные ресурсы. Студентка в очередной раз безропотно поменяла показания и, естественно, опять нашлись свидетели. Правда восторжествовала и оказалась весьма политкорректной: не было

никакой пьянки, никто никого не домогался и никто никого, естественно, не спасал. Была тренировка по боксу, проводились спарринги и молодые балбесы не рассчитали сил богатырских. И все успокоились. Справедливость восторжествовала.

Во время сессии она восторжествовала еще раз и персонально для Волкова – он получил двойки по китайскому (который знал в разы лучше самих преподавателей), по языкознанию и по истории КПСС. Повторная сдача экзаменов дала аналогичные результаты, и Сергея без лишнего шума и пыли отчислили.

А в мае призвали в армию.

Глава 4

Аты-баты, шли солдаты...

И загремел он, конечно же, в спецназ. И не очень этому удивился. Дело в том, что когда разбирательство только началось и Сергея все, кому не лень признавали кругом виноватым, вдруг приехал отец. Сергей только-только собрался ему позвонить и поплакаться, как тот сам без всякого звонка появился. Вел себя как всегда спокойно, без лишней суеты: куда-то сходил, с кем-то поговорил, а потом вдруг выдернул сына с занятий и пошел с ним гулять в Сокольники. Во время прогулки обрисовал ему ситуацию.

– Влип ты, конечно же, неслабо и из института тебя точно попрут. То, что пугают уголовщиной – не бери в голову. Скоро выпуск и мажорам надо за хорошие места драться.

– А как же показания, свидетели?

– А свидетели еще десять раз показания поменяют в угоду справедливости... Ты мне вот что скажи: ведь эта девчонка, за которую ты вступился, тебя тут же и

предала. Не жалеешь, что полез?

– Нет.

– Молодца. Если бы ты уши закрыл и ушел по-тихому, то учился бы себе и дальше на отлично без всяких там хорошо, но уважать бы себя точно перестал. А это, сын – главное в жизни. Либо ты сам себя уважаешь и тогда всегда и все в этой жизни преодолешь, либо... Впрочем, ты уже все для себя выбрал, так что, не жалей. Теперь по делу, с твоими данными служить тебе, судя по всему, в спецуре. Хреново, что война идет, как бы в Афган не влететь. И еще вот что: парень ты у меня не только здоровенный, но и весьма неглупый, поэтому подозреваю, что еще и нескольких месяцев не прослужишь, как начнут к тебе разные купцы, как когда-то ко мне, подкатываться, имей это в виду...

Сергей слушал все это, и в который уже раз удивлялся, до чего же непросто Волков-старший. Казалось бы, тихий, вежливый, слова дурного не молвит, а уж кулаками – то вообще махать не любитель. И, тем не менее, никак не шел из памяти случай из давнего детства. Было тогда Сергею лет десять, гуляли они как-то всем семейством по Гонконгу и черт их дернул зайти не в тот квартал (а в Гонконге это – запросто). Не успели пройти и нескольких метров, как нарисовались несколько граждан весьма специфических повадок и неслабого вида и с ходу предложили сдать им на бессрочное хранение наличность, часы и мамино золото. Очень интересно тогда повел себя отец: не слова ни говоря, подошел к удальцам и окинул их незлым внимательным взглядом. Не ударил, хотя очень даже мог (много позже, когда Серега зачемпионствовал и начал на всех свысока поглядывать, папаша как-то заглянул в «Цзинь Лун» и неплохо постоял против сыночка пару раундов, да еще и уронил разок младшенького). Так вот, ухари те куда-то срочно заторопились и семейство грабить раздумали. Шавки беспородные боевого пса всегда чувствуют и прекрасно понимают, что связываться – себе дороже. Боевой-то пес не лает, не пугает понапрасну, он просто вцепится в горло и, собственно, все.

Провожали Сергея в армию ребята с курса и, естественно, отец приехал. Мама не смогла, у нее в Ростове наметился ренессанс в личной жизни, поэтому она телеграмму прислала. И позвонила, конечно же, сказала, что очень любит и чтоб берег себя. Что Сергей ей и пообещал.

Служить он начал в учебке при бригаде спецназ под Чирчиком в Средней Азии. Карантин проходил как все, только вот ноги не стер, да и трудно было их

стереть, ежели несколько лет ими босыми стучал по мешку или по сопернику в спарринге, А на третий день случилась физподготовка, на которой Сергей сначала убежал от всех, как от стоячих, на кроссе, а потом взял, да подтянулся тридцать пять раз на перекладине. На вопросы сержантов, командующих карантинном, скромно отвечал, что в школе любил физкультуру и вообще почти не курит.

В то время в армейском спецназе была славная традиция: после окончания карантина перед присягой молодняку устраивали небольшой марш-бросок (на десять километров всего) с полной выкладкой, потом их прогоняли по «тропе разведчика» (такая полоса препятствий с разными сюрпризами) и венчал все это великолепие небольшой спарринг из трех раундов по три минуты, когда молодого воина избивали его же старшие товарищи. Били, конечно, не со всей дури, понимали, что организмы у молодых еще хилые и в бою они – полные нули. Но в семье не без урода. В данном конкретном случае уродов было целых два – неразлучные друзья старлеи Саша и Паша, выпивохи, супермены и перворазрядники оба по рукопашке. В кругах, близких к вытрезвителю, их боготворили и слагали легенды. Короче, ребята были резкие, порой – даже слишком.

В тот день Саша и Паша были настроены излишне жестоко, а потому вместо того, чтобы просто «обкатать» молодых, эти дуралеи организовали пару-тройку нокаутов, причем в средствах особо не церемонились – могли и ногой между ног обрадовать и локтем в лицо. В общем, супермен – и в Чирчике супермен.

Сергей был в третьем отделении второго взвода, поэтому художества братьев-акробатов рассмотреть успел и они ему очень не понравились. А тут еще и Паша вылез на свою задницу. Когда Волков скромно пробирался между канатами, бравый летеха усмотрел в его физиономии что – то девичье и громко пообещал как-нибудь на досуге юного воина приласкать. Вышло же с точностью до наоборот: не прошло и минуты, как Серега приласкал шутника левой в печень, а правой – длинным свингом в челюсть и организовал Паше глубокий нокаут. Разъяренный Саша полез мстить за друга, но вскоре сам нарвался на встречный прямой правый в голову и присоединился к еще толком не очухавшемуся Паше.

Руководство праздника (без шуток, официально все это бл...тво именовалось «военно-спортивным праздником») слегка заволновалось и поручило смыть позорное пятно с репутации бригады инструктору по рукопашному бою майору

Паку. Валерий Кимович Пак был мужчиной весьма серьезным, по крайней мере, боевых наград у него было ничуть не меньше, чем у всего руководства части вместе взятого. Ходили слухи, что раньше он служил в одной весьма серьезной организации, но был ранен, едва не попал под комиссацию и в итоге вот уже пять лет учил юных спецназовцев убивать супостатов и не быть убитыми самим. Спокойный такой, несуетливый человек, среднего роста и телосложения.

Пак, естественно, с наглым юнцом разобрался, но без излишней жестокости и даже с некоторым уважением, тем более, что Сергей сподобился раз-другой, правда, несильно, майора достать. Сам-то он прекрасно понимал, что в реальном бою у него есть только один шанс – убежать, да и то вряд ли. Совсем не похож был Пак на человека, от которого можно было убежать.

По окончании этого садистского «военно-спортивного праздника» молодые, в той, или иной степени побитые воины приняли присягу и были направлены в учебную роту набираться ума-разума.

Глава 5

Нас выбираем, мы выбирают...

Обучением в роте занимались серьезные люди, много повидавшие, как правило, прошедшие Афган, или еще что. А, потому, Сергею учиться понравились. Достаточно скоро он стал лучшим практически по всем изучаемым предметам, а, следовательно, о нем узнали те, кому положено было об этом узнать.

Не знаю, как обстоят дела сейчас, но в армии бывшей Советской империи начальство практически всегда и все знало о своих подчиненных. Имеющие хоть какие-либо необходимые для нее таланты, немедленно брались на заметку, и, в большинстве случаев, они находили применение. И если способности большинства реализовывались непосредственно по месту службы, то за наиболее интересными ребятами приезжали купцы.

Так случилось и с Сергеем. За две недели до окончания обучения его направили на углубленное медицинское освидетельствование в округ: что-то вдруг в его здоровье военным медикам показалось странным. Комиссия показалась Волкову немного необычной: проводившие ее врачи отличались от местных отсутствием загара, а некоторые – м-а-асковским акцентом. Вместе с Сергеем комиссию проходили еще несколько солдат, причем все они были из других войск. Судя по всему, ребят отбирали в космонавты, потому что в течение трех дней их подвергли подробнейшему осмотру у врачей всех, наверное, специальностей, кроме гинеколога и патологоанатома. Особенно зверствовали психиатры (а, может быть, психологи – Сергей тогда их не различал). В итоге этого медицинского изуверства он остался в гордом одиночестве – в здоровье остальных ребят медики нашли какие-то изъяны.

Собеседование (если так можно назвать почти четырехчасовое копание в мозгах) с ним проводил занудливый тип в форме подполковника, причем, было видно, что форму он давно не носил. Тип долго и скучно уточнял какие-то второстепенные подробности волковской биографии, задавал разного рода въедливые а, порой хамские вопросы. Усыпив таким макаром Серегину бдительность, он вдруг перешел на достаточно неплохой китайский и продолжил беседу на нем. Потом повторил этот же трюк и с английским. По окончании этого издевательства Волков был отпущен на обед, а ближе к вечеру беседа продолжилась. На сей раз в роли собеседника выступил человек в форме медика ВВС, который и предложил Сергею пройти подготовку и в дальнейшем служить в элитном офицерском спецназе ГРУ. Тот и сам не понял, почему практически сразу же дал согласие, но он его дал. Больше он в роту не вернулся. Вместо него пришла бумага, извещающая, что рядовой Волков нуждается в стационарном лечении и направляется с этой целью в госпиталь имени Бурденко в Москву.

На самом деле ни в какую Москву Сергей не попал, его направили в тихий небольшой городок в средней полосе России, в котором находились офицерские курсы по переподготовке плавсостава ВМФ, что было весьма странным, ибо никакого моря или там океана в радиусе многих сотен километров не наблюдалось. При курсах имелось небольшое учебное подразделение по подготовке младших командиров для «войск охраны спецобъектов ВМФ». Так Сергей неожиданно для себя сменил форму и даже неожиданно получил звание «старшина первой статьи».

Свежеиспеченный моряк попал в настоящий концлагерь, после которого нагрузки в учебной роте спецназ показали санаторием. Сергея и еще пятнадцать попавших на эту каторгу ребят гоняли так, что до кроватей вечером они добирались буквально на четвереньках. Кстати, поспать ночью удавалось далеко не всегда: почти каждую ночь случались тревоги марш-броски с нечеловечески тяжелым грузом на плечах и преодолением полосы препятствий (настолько сложной, что «тропа разведчика» после нее казалась уютной аллеей в парке). Не менее серьезными оказались занятия по рукопашному бою. Сергей, равно как и остальные ребята (а подобрались все весьма нехилые и что-то, как им казалось, умеющие), наивно полагал, что в любом случае постоять за себя умеет. Но не тут-то было. На первом же занятии седой тщедушный старикашка (для восемнадцати-двадцатилетних любой человек за сорок кажется глубоким старцем), не утруждая себя индивидуальными спаррингами, просто поработал по раунду с группами из четырех человек. И всех играючи победил, спасибо, что не убил, хотя явно мог бы... После того Сергей понял, что означает «ощутить себя ниже уровня городской канализации». Судя по лицам остальных ребят, они чувствовали приблизительно то же самое.

Нагрузки были зверские и не только физические. Иногда казалось, что голова объявит бессрочную забастовку и навсегда откажется вмещать в себя чертову кучу знаний по чертовой же пропасти предметов. Но постепенно организм привык к перегрузкам, и иногда даже оставалось немного времени для чтения, до которого Сергей всегда был большой охотник. Правда, жизнь ему существенно облегчил тот факт, что он в отличие от других иностранные языки не изучал, а совершенствовал уже выученные.

Все имеет не только начало, но и конец. Через год семь человек все-таки закончили учебу, хотя дипломов не получили. А остальные отсеялись – кто ушел добровольно, написав рапорт, у кого не пошел язык (это самое обидное, все предметы идут отлично, а язык «не идет», ты учишь часами, а толку чуть...), а кого попросили на выход за длинный язык или вовсе без объяснения причин. Потом он прошел полугодовую стажировку в Афгане и опять учился, и так несколько раз. В итоге система выковала из него то, что и планировалось – настоящего боевого пса, способного выполнять необычайно сложные боевые задачи как самостоятельно, так и в компании себе подобных. За это время он научился очень многому, а самое главное – став очень опасным человеком, он умудрялся им не казаться ни при каких обстоятельствах. Так, его жена, все, почти шесть лет совместной жизни считала, что ее муж – милый интеллигентный человек, биолог по образованию, работающий в закрытом НИИ (имеющим почему-то отношение к космосу), часто выезжающий в командировки. Первые

годы совместной жизни ее это даже расстраивало, а потом привыкла. Причем настолько, что однажды вернувшись из очередной поездки, Сергей вместо жены обнаружил дома записку типа «встретила другого, полюбила, прости, если можешь, не ищи, прощай...». Разводом Волков никого на работе не удивил, в их среде это было что-то вроде профессиональной болезни и шесть лет семейной жизни почти тянули на рекорд. Что интересно, просуществовавшие восемь лет, семьи коллег Волкова, практически не рассыпались...

Самым приятным во всем этом было то, что мифический закрытый НИИ с космическим уклоном, в котором трудился «биолог» Волков, располагался в Москве и он все-таки оказался в своем любимом городе. Служба его продолжалась до 2003 года, за это время он «выполнял задачи и решал вопросы» (классный, кстати, термин, чисто военно-бюрократический: «У нас проблема в N, слетайте, Волков, решите вопрос»). И летал, и ездил, и решал.

Так и служил он, достаточно долго, решая вопросы и выполняя задания. Происхождение неизбежных при таком активном образе жизни травм и ранений с начала объяснял жене авариями на полигоне где-то там, в районе космодрома и даже слегка диссидентствовал, поминая незлым тихим словом качество отечественного оборудования. А появившийся вдруг посреди зимы загар объяснял походом в солярий. С начала жена волновалась, затем перестала, а потом и вовсе некому стало что-либо объяснять.

После развала казавшейся раньше несокрушимой империи выезды в дальнее зарубежье практически прекратились. Сергей, к тому времени, уже командир группы, носился со своими ребятами, как тот Буревестник, по бескрайним просторам бывшего СССР, а ныне – независимым и зачастую не очень дружелюбным к России государствам.

За развалом великой, черт подери, великой страны последовали интересные перемены и в службе. Если раньше к руководству спецурой на пушечный выстрел не подпускали непрофессионалов, то после известных событий они поперли косяком. Вскоре вместо битых, понимающих ремесло мужиков у руля встали менеджеры в погонах – чьи-то детки, друзья-единомышленники и, просто, соседи по даче. Если б можно было рассекретить хоть некоторые из спланированных ими операций, да зачитать их на эстраде! Задорнов со Жванецким разрыдались бы от бессильной зависти и ушли б трудиться в народное хозяйство.

Когда лучший российский полководец Паша-Мерседес, выполняя волю упившегося гаранта конституции, начал чеченскую войну (sorry, антитеррористическую операцию), Волков с группой месяцами не вылезал из командировок. Что интересно, успех большинства проведенных его и таких же групп операций, без зазрения совести приписывали себе абсолютно к этому непричастные люди и целые службы, даже что-то вроде графика подвигов организовали. С наградами, естественно.

Да, и хрен с ними, с наградами и подвигами. Сергей в Чечне такого насмотрелся... Ему ведь, как профессионалу, с самого начала было ясно, что гордых нохчей можно было, выражаясь босяцким языком, угондошить за месяц-полтора. Какой бы ни был слон: старый, хромой и даже больной сахарным диабетом – у Моськи в бою с ним шансов ноль. Эта, так называемая, контртеррористическая операция, все больше напоминала симбиоз цирковой борьбы нанайских мальчиков с беспроигрышной (для московских вельмож, естественно) лотереей.

В начале этих славных дел его группа еще брала в плен разного рода «полевых командиров», как их с уважением называли прикормленные СМИ, и очень удивительно было потом вновь и вновь узнавать, что повязанные намедни Махмуд, Магомед или Леча не мотают сроки в солнечной Мордовии, а как ни в чем не бывало продолжают убивать российских пацанов. После этого в волковской группе брать в плен кого бы то ни было стало не модно. На начальственные крики, визги и топанья ножками он, честно глядя в глаза, отвечал, что «злой чечен был слишком ловок, едва всех нас не поубивал, вот и пришлось стрелять на поражение. А, кстати, судя по всему, это свои же его и убили, чтобы он к нам в плен не попал».

Когда началась вторая чеченская, Сергей немного воспрянул духом и даже поначалу попробовал убедить самого себя, что теперь все будет иначе и надо только добить гадов. Как же, раскатал губу, наивный чукотский мальчик. Веселая дискотека с распилом федеральных средств и туда-сюда откатами продолжилась в полном объеме, а то и покруче. Волков с немалым опозданием, но все же осознал, что главные враги не прячутся по лесам и пещерам, а сидят во властных кабинетах и стахановскими методами куют немеренные бабки себе и потомкам до сотого колена. И уж никак ни в их интересах прекращать в Чечне то, что там до сих пор не без успеха творится. И даже если все до одного чеченцы бросят воевать, эти чинуши на свои кровные наймут для этого дела гастарбайтеров со стороны. И плевать им с высокой колокольни на теракты в

московском метро и захват школ. Сами они в метро не ездят, а детки их в России не учатся.

Наблюдать все это бл...тво, а самое главное – в нем участвовать с каждым днем становилось все труднее. Но, что удивительно, как ни терпел, стиснув зубы, а со службы все-таки ушел сам, или почти сам после достаточно мерзкой истории, когда он все-таки сорвался и слегка попортил овал лица очень блатному московскому полковнику. Дело было в Чечне, группа, которой командовал Сергей, отработала задачу и возвращалась в Москву. Командировка получилась трудная, плюс ко всему из-за традиционного российского раздолбайства и всеобщей неразберихи волковскую группу при возвращении накрыла огнем своя же артиллерия. В итоге – двое раненых, причем один из них – Борюсик, позывной «Альт» – весьма неприятно. Группа уже садилась в транспортник, когда и появился тот самый полковник. Этот бравый воин возвращался из боевой командировки с богатыми трофеями для начальства и для себя любимого. При нем была небольшая свита и еще какие-то девки достаточно пошлого вида. Полковничек решил, что Боливар всех не вынесет, и поэтому приказал Сергею и его группе выметаться из самолета. Сергей сначала пытался сдержаться и даже вежливо указал «товарищу полковнику» на то, что среди его людей есть раненые, на что арбатский вояка заявил, что сам Сергей и его раненые ему, товарищу полковнику, глубоко по хрену и зачем-то начал хвататься за пистолет. Тут-то у Сергея, по образному выражению одного из его немногих друзей (о нем позже), «напрочь сорвало буденовку». Пистолетик Волков у грозного московского вояки, конечно же, отнял, да еще вдобавок несколько раз чувствительно врезал ему по организму и по морде. И улетел с группой, оставив того валяться на летном поле как князь Андрей под Аустерлицем.

Ответный удар спарринг-партнера по Чечне тоже оказался неслабым. В итоге орден за последнюю операцию Сергей не получил, а на предложение пойти и покаяться ответил рапортом с просьбой об увольнении. Так он и оказался на улице, Родина-мать расщедрилась на скромную пенсию, на которую не то, что человеку прожить, канарейку прокормить невозможно.

Оказавшись не у дел, Сергей, уж так случилось, занялся тем, чем занимался всю свою сознательную жизнь – продолжил «решать вопросы», правда, теперь он стал работать на себя. Работу же в переводбюро он воспринимал как мероприятие прикрытия. Он получал задания (причем, не знал и не желал знать, от кого), сам решал, будет работать или нет, а после этого выполнял их как и прежде, быстро и эффективно. Так сказать, остался в профессии.

Часть вторая

Трудовые будни

Лирическое отступление второе. Ностальгическое

Ей показалось, что она раньше встречала этого человека. Высокий, коротко стриженный седоватый мужик, не торопясь шел к рингу по проходу между рядами кресел. А в самом ринге в это время надсадно орал ведущий:

– В красном! Углу! Ринга! Сегодня! Боец! По прозвищу! Седо-о-ой!

Ошиблась! Конечно же, ошиблась. Кто она и кто этот, нанятый на потеху почтенной публики и что, вообще, у них может быть общего? Виктория зябко повела плечами и, закулив тонкую дамскую сигарету, повернулась спиной к залу.

– Тема, что мы здесь делаем? Поехали в клуб, скоро все наши соберутся.

– Дорогая, только один бой, сейчас Барс выйдет, уделает этого лоха и поедем, – любую другую женщину Артем мигом бы поставил на место, но эту... Во-первых, папа у нее, папа самый настоящий олигарх, депутат и очень авторитетный человек. Во-вторых, сама она... Нет, все-таки, во-первых, сама она... Сама она – редкая красавица, умница и, вообще, Артем влюблен и счастлив.

Она опять повернулась лицом к залу. Седой мужик как раз проходил совсем рядом с ложей, откуда сын не последнего чиновника страны собирался смотреть бои. Вместе с будущей женой.

Он прошел мимо, опустив голову мягкой кошачьей походкой. Так ходят, вернее, пытаются ходить актеры из набивших оскомину сериалов об отечественных спецслужбах. Получается не очень похоже из-за слабых нетренированных ножек и лишних, набранных на бесчисленных пьянках и презентациях килограммов веса.

Седой вошел в ринг и остановился в своем углу в ожидании противника. И тут зашелся в радостных рыданиях ведущий:

– В синем! Углу! Ринга! Бронзовый призер олимпийских игр по дзюдо! Дважды! Чемпион мира! По боевому джиу-джитсу! Непобедимый! Снежный! Ба-а-а-арс!

В проходе в окружении многочисленной свиты появился громадный звероподобный персонаж в белой дзюдоге, повязанной черным поясом с иероглифами и под аплодисменты собравшихся вальяжным шагом направился к рингу.

– Барс! – заорал из ложи Артем – Убей его!

Звероподобный поднял голову, посмотрел на бьющегося в радостной истерике Артема и важно кивнул.

– Бойцы на середину! – скомандовал распорядитель.

Седой стащил через голову футболку, и она увидела длинный поперечный шрам на его правом плече.

– Ой, – тихо сказала Виктория. Она вдруг все вспомнила.

– Что ты сказала, дорогая?

– Ничего. Здесь принимают ставки?

– О, да ты у меня азартная. – Артем нажал на кнопку на перилах и буквально сразу же в ложу вошел, вежливенько постучав предварительно, лощеный юноша.

– Я хочу сделать ставку, – Виктория открыла сумочку и заглянула вовнутрь. – Восемь, нет, десять тысяч долларов на Седого, – и передала пачку лощеному.

– Ставка принята.

– Вика, стой. Он же против Барса и минуты не простоит! Поверь мне. – При случае ее жених любил вспоминать, что когда-то и сам пропадал в спортивном зале и даже был перворазрядником по дзюдо.

– Это мои деньги, Тема, – она приняла с поклоном врученную ей квитанцию, – и не последние.

– Как знаешь. Кстати, примите и у меня ставку. Двадцать тысяч на Барса.

– Ставка принята.

В ринге меж тем заканчивали представлять противников по боям без правил.

– Боец Седой, рост сто восемьдесят шесть сантиметров, вес восемьдесят три килограмма. Боец Снежный Барс, рост сто девяносто восемь сантиметров, вес сто тридцать пять килограммов.

Нависая над соперником, Барс сжал правую ручищу в громадный кулак и, жутко оскалившись, провел по горлу отставленным большим пальцем. Потом протянул правую вперед и указал большим пальцем в сторону пола.

– Убей его! – опять заорал Артем.

Противник Барса выглядел спокойным, даже немного сонным. Казалось, до него до сих пор не дошло, в какую передрагу он влип. Раздался крик судьи в ринге:

– Бойцы, по углам! В синем углу готов? В красном углу готов? Начали!

С командой «Начали!» Снежный Барс бросился вперед и нанес свой излюбленный фронтальный удар ногой, после которого его намного более легкий противник должен был оказаться на галерке театра, превращенного по случаю в арену для боев. Хорошо бы, если живым.

Но не в этом случае. Нога пробила в пустоту. Сонный с виду Седой как будто обтек ее телом и, в свою очередь, нанес резкий локтем правой руки в спину противника. Попал. Барс проскочил вперед и врезался в канаты ринга. Повернулся к Седому, поднял вверх согнутые в локтях руки, продемонстрировав публике бицепсы размером с голову гориллы. Зарычал и двинулся вперед. От такого страшно стало всем, даже самым нетрезвым зрителям. Не испугался, похоже, только его противник. Он поднырнул под бьющую руку и, развернувшись, подсек ноги проскочившего вперед Барса. От падения такой туши пол ринга затрещал, но уцелел, на радость публике. В зале раздались первые робкие смешки. Знатоки переглядывались в недоумении – какой-то никому неизвестный лох делает клоуна из дважды чемпиона мира и призера олимпиады.

Бой продолжился. Теперь Барс не бросался сломя голову, а, подняв руки на уровень подбородка, методично наступал, прижимая противника к канатам. Прижал. Схватил левой рукой за плечо и нанес правой удар в челюсть, после которого бой для того обязательно должен был закончиться. В лицевой хирургии или в реанимации, в лучшем случае.

На деле получилось несколько иначе. Седой с непостижимой быстротой пробил «правой на правую», прямо в подбородок противника. Как говорят в боксе, борода есть борода, что в переводе на общечеловеческий означает, что если уж словил акцентированный удар в подбородок – кирдык, каким бы мощным и тяжелым ты, дружище не был.

Так и случилось. Барса болтануло, он замер, как будто с размаху налетел на стену, колени подогнулись. Его противник сделал шаг вперед-влево-вправо и на развороте нанес ему резкий рубящий удар ребром ладони по основанию черепа, после чего пошел в нейтральный угол. В общей сложности, бой продлился чуть более минуты.

Боец из синего угла медленно и печально сполз по канатам на пол и там затих. Судья в ринге зачем-то открыл счет, хотя даже продающим спиртное в зале девицам было ясно, что этим вечером непобедимого Снежного Барса лучше всего было по пустякам не беспокоить.

С начала захлопали не такие и многочисленные знатоки, потом к ним присоединилась остальная публика.

Судья поднял руку победителя, распорядитель что-то проорал. Седой перелез через канаты и пошел в раздевалку, сопровождаемый восторженным гулом. На ринге в это время пытались поднять поверженного бойца, что, учитывая его вес и общее состояние здоровья, было делом крайне неблагоприятным.

– Вот это да! Вот это я попал! А ты, ты откуда знала?

– Просто знала.

– Извини, дорогая, я отойду ненадолго, мне срочно надо выпить.

– Разве что ненадолго, – она села в кресло и с трудом достала сигарету из пачки – так дрожали руки. Давно забытое и, казалось, навсегда стертая из памяти прошлое через шесть лет опять вернулось и встало перед глазами.

В ноябре 91-го Виктория уговорила-таки отца взять ее с собой на переговоры в одну из областей юга России. Он даже назначил ее вторым референтом и поручил отвечать на телефонные звонки. Более счастливого человека на свете, чем она, тогда четырнадцатилетняя школьница, просто не существовало.

Счастье было не долгим. Какие-то отморозки напали на уединенный особняк, перебили охрану и захватили ведущих переговоры и персонал. Хорошо еще, что одному из охранников отцовского делового партнера удалось сбежать. С пулей в плече этот паренек прошел около пятнадцати километров и добрался до райотдела милиции.

Она сидела возле избитого отца, гладила его по голове и все ждала, когда же их спасут, красиво и стильно, как в модных штатовских боевиках. Ворвутся через двери, окна и стены, перебьют всех подонков, а самый главный подойдет к ней, снимет с маску и, оказавшись Ван Даммом, спросит: «Ты в порядке?». Потом она поняла, что никто их не спасет, и в оцепенении слушала, как захватившие их ублюдки спорят, сколько денег содрать с захваченных богатеньких Буратин, миллион долларов или целых два (на большее просто не хватало фантазии) и куда с такими деньжищами потом податься, в Штаты или в Турцию.

Потом они позвонили в местную администрацию, потребовали деньги, машину к подъезду и самолет, почему-то в Испанию. И еще сказали, что они – очень

серьезные люди. И, наверное, в доказательство этого застрелили отцовского юриста Михаила Степановича, пожилого безобидного человека.

Накурившись какой-то гадости, эти подонки решили развлечься и развернули дискуссию, кого же первую из трех женщин (в том числе, и ее) «пустить на хор» и она поняла, что не хочет жить.

В этот момент и появились, как будто из воздуха, бойцы в камуфляже. Дальше все произошло нереально быстро. Ублюдков просто перестреляли, они даже не поняли, что же случилось. Один только главарь успел выхватить гранату, вырвать чеку, но оказавшийся возле Виктории высокий человек всадил тому две пули в грудь и ударом ноги выбил его в окно вместе с самим окном, а сам сбил ее с ног и упал сверху, заслоняя от осколков. Он, кстати, и оказался командиром группы, только был совсем не похож на того актера из Голливуда.

Потом она увидела его, сидящего у стены голого по пояс и зашивающего рану на плече, как простую дырку на рукаве. Любопытная как все дети, она подошла ближе и опустила на корточки.

– Обезболивающее ввели? – строго, голосом настоящего референта спросила она.

– Лекарств мало, все отдали раненым, – ответил он, не поворачиваясь.

– Круто, совсем как Джон Рембо. Вам совсем не больно?

– Больно, – он повернул голову, и девочка увидела его потемневшие глаза и мокрое от пота лицо. – Конечно, больно.

– Вам надо в больницу.

– Мне завтра с утра надо быть за тысячу километров отсюда, сейчас такое творится.

– Что творится?

– Была страна и нет страны, вот, что творится.

- А папа говорит, что теперь будет лучше.

- Очевидно, папе виднее.

- Вам надо лететь на другой вызов?

- Типа того, мы сейчас как «Скорая помощь».

- А как же рана, Вам же больно?

- Рана пустяковая, а боль... Боль не должна управлять человеком. Она должна знать свое место.

И тут она поняла, что он круче всех Ван Даммов в мире.

Где-то через час прилетел вертолет. Полгода она не могла спать из-за кошмаров, но потом и это прошло.

А еще через два года ее отец прорвался к «трубе» и стал одним из королей «нефтянки», а она стала принцессой. Мерзкое пережитое забылось и стерлось.

Виктория решительно нажала кнопку.

- Ваш выигрыш принесут через десять минут, - сообщил явившийся на вызов.

- Вы не могли бы пригласить сюда этого бойца, Седого?

- Постараюсь.

- Будьте так добры.

Он принял душ, оделся и направился в кабинет к организатору боев, где был принят восторженно.

- Седой, нет слов! Здорово! Давно я таких классных бойцов не видел!
 - Их не так уж и мало. Как там насчет призовых?
 - Держи, это твоя пятнаха за победу и еще треха от меня лично, я на тебя ставил как мне знающие люди посоветовали. Кстати, переходи ко мне на постоянку, мне такие бойцы, во, как нужны. Как ты этого Барса, а!
 - Таких Барсов с любого дуба дюжину натрясти можно.
 - Тебе видней. Ну, как, надумал ко мне?
 - Телефон оставьте, позвоню, когда время будет.
 - Уж позвони. Да, зайди в третью ложу, там дамочка одна на тебя ставила, небось, хочет наваром поделиться.
 - Это обязательно?
 - Зайди, дамочка не из простых, с такими не ссорятся.
 - Ладно.
- В дверь постучали.
- Войдите.
 - Здравствуйте, Виктория.
 - Вы узнали меня? Когда?
 - Сразу же, когда шел на ринг. Вы повзрослели и стали настоящей красавицей.
 - А у вас новые шрамы появились, на груди и на спине.

- Дело житейское, как говорил Карлсон.
- Вот, тут деньги, я на вас поставила, знала, что вы победите.
- Спасибо, мне уже заплатили.
- Вы теперь этим зарабатываете на жизнь?
- Нет, это приработок.
- На основной работе платят мало?
- Не очень много.
- Хотите, я скажу папе, и он вас возьмет к себе?
- Спасибо, у меня есть работа.
- И на кого вы работаете?
- На Россию.
- То есть, все еще служите?
- Да.
- Тяжело?
- По всякому бывает.
- Спасибо, что тогда нас спасли и извините, что сразу не поблагодарила, я тогда очень испугалась.
- Пустяки. И, потом, вы держались лучше всех остальных.

- Последний вопрос, как же таких как вы, в Чечне победили?

- Нас не победили, нас предали.

Да, не получился разговор. Сколько раз она представляла, что скажет ему и что услышит в ответ, а встретились, и говорить оказалось не о чем.

- Еще раз спасибо. Удачи вам.

- До свидания. И вам удачи.

А спросить, как его зовут, забыла. Поговорили, называется.

Вернувшись из клуба, она заглянула в кабинет к отцу.

- Все работаешь, папка?

- Как в клубе?

- В клубе хорошо. Меня Тема на бои без правил затащил. Знаешь, кого я там встретила? Командира той группы, которая нас освобождала в 91-м.

- Да? И что он там делал?

- Дрался.

- Обидно, не сложилась жизнь у человека. Надо было ему хоть денег дать.

- Предлагала, отказался.

- Гордый, значит - глупый. Послушай, может его к нам на работу взять в охрану? У нас вчера начальника смены за пьянку уволили.

- Он все еще служит.

- Значит – дважды дурак. Нет, такие нам не нужны.

- Пап, а помнишь, у него кличка была какая-то странная, не то Носорог, не то Гиппопотам?

- Бегемот. И у них это называется позывной.

Глава 6

Введение в акулведение

Не торопясь помыв посуду, Сергей взял принесенный с автовокзала пакет и перешел в кабинет. Достал из пакета коробку с диском и вставил его в дисковод. Прделав несколько манипуляций с клавиатурой, ввел пароль и вошел в систему. Пароль был весьма непростой и имел одно неприятное качество: при его двукратном неправильном наборе все записанное на диске в автоматическом режиме уничтожалась.

Информация оказалась достаточно прозаической и в духе времени: некая промышленно-финансовая группа, возникнув практически ниоткуда и набрав за последние пару лет солидный опыт, увлеклась пиратством, в частности, обанкрочиванием и просто захватом промышленных предприятий и фирм. Методы эти ребята использовали разнообразные – от утонченных финансово-юридических, до силовых наездов с привлечением право, извините за выражение, охранительных структур и ЧОПов.

Поначалу они питались мелкой рыбешкой, но постепенно обнаглели от безнаказанности и наехали на концерн «Мосгорпродукт», один из монополистов на российском рынке пищевых продуктов, фирму, к слову сказать, в криминале не замазанную и достаточно влиятельную. Слегка ошалев от наскоков наглого выскочки, концерн попытался решить вопрос легальными методами, то есть – через суд и с помощью высоких покровителей и... ничего не вышло – в суде дело стопорилось, а покровители у пиратов оказались ничуть не менее серьезные.

«Мосгорпродукт» стал нести изрядные убытки, производство фактически застопорилось, а расходы на силовое и прочее прикрытие взлетели в космос. Продолжительная патовая ситуация грозила полностью остановить производство и привести к тому, что затраты концерна на силовое противодействие и ведение бесконечных юридических тяжб привели бы к его полному банкротству. Чаша терпения переполнилась, когда на переговоры прибыл глава нападающей стороны некто господин Малыгин Владимир Георгиевич и предложил «договориться по-хорошему», что, по его мнению, означало введение в совет директоров концерна трех человек из его команды и продажа ей же блокирующего пакета акций за копейки. Вот тут-то в руководстве «Мосгорпродукта» и решили обратиться к специалистам по неформальному разруливанию подобного рода проблем. Кстати, на гонорар очень даже не поскупились.

Информации о потенциальном супостате было ни много, ни мало – типовая разблюдовка: данные о финансах, связях в верхах, методах действий по каждой из «съеденных» фирм.

«Веселая компашка, – подумал Сергей, закуривая очередную черт-те какую по счету сигарету и с отвращением отпивая остывший кофе. – Интересно, а кто же всем этим рулит?» «Рулевых» оказалось целых четверо: во-первых, ранее упомянутый Малыгин В. Г., сорока пяти лет от роду, из комсомольских работников среднего звена, удачно женившийся в разгар перестройки на дочери крупного партийного вельможи, а ныне – выдающегося государственника и советника одного из вице-премьеров. С фотографии, приложенной к характеристике, на Сергея смотрел толстомордый лысый субъект с выпученными, как при приступе запора, глазами. С первого взгляда на его мордашку было понятно, что достопочтенный господин Малыгин навеки остался верен идеалам комсомольской юности, то есть пьет много и регулярно, а также таскается по бабам. Финансовым директором группы был некто Вайнерман Арнольд (надо же) Моисеевич, тридцати пяти лет, типичный финансист-пройдоха: маленький, пухленький, кудрявенький херувимчик с хитрыми глазками. Глава юридического отдела Кореньков Лев Владимирович более всего походил на адвоката, причем, на Плевако и Падву одновременно. Службой безопасности (и опасности для всех, попадающих на зубок) ведал Рассказов Василий Андреевич, сорока двух лет, бывший сотрудник МВД, уволенный оттуда за более чем обоснованные подозрения во взяточничестве и превышение служебных полномочий. Рассказов контролировал несколько частных охранных предприятий, судя по всему, с бывшими сослуживцами во главе.

Закончив чтение этого триллера из жизни пиратов и пираний, Сергей глянул на часы и обомлел: на сон оставалось всего ничего, а потому решил, что утро вечера мудренее и пошел баиньки.

Глава 7 короткая

Битва у помойки

Пробудившись не так уж и рано по утрам, Сергей понял, что за это дело возьмется. С ним часто так было: мучившая с вечера проблема типа там быть или не быть, к утру рассасывалась, и все становилось ясно и понятно. А потому Волков по-быстрому встал, по-сокращенному размялся, оделся и понесся в булочную за хлебом к завтраку. По дороге назад, кстати, позвонил из таксофона и попросил передать коварно съехавшей в Одессу к мужу Свете, что она – дура деревенская и счастье свое упустила.

Все, теперь пути назад больше не было. В случае неудачи и отказа от дальнейшей работы Сергей был бы в одинаковой степени неправильно понят со всеми вытекающими.

В каком-нибудь задрипанном штатовском боевике подобный вопрос начали бы решать масштабно и в комплексе: в громадный ангар въехала бы политкорректно подобранная группа с полусотней компьютеров и оружейным арсеналом. На стенах немедленно появились бы планы, диаграммы и фото главных супостатов. Все присутствующие пили бы ведрами кофе, а главный герой обязательно прилепил бы на самое видное место фото жены и детей. Волков же поступил с точностью до наоборот: кофе пить и не подумал (после вчерашнего смотреть на него не мог), стены поганить ничем не стал, а просто позавтракал и вышел из дому.

Полдня он мотался по городу, посещая, в основном, отдаленные спальные районы Москвы и даже ненадолго заехал в ближнее Подмосковье. У Сергея оказалась куча ключей от пустующих квартир, он заходил туда, забирал какие-

то сумки с коробками и набивал всем этим багажник своей машины. Затем он вернулся домой, пообедал, чем Бог послал, часок подремал и поехал на Новый Арбат, ибо перед тем, как брать душку Малыгина за вымя, надо было провести хотя бы краткую предварительную рекогносцировку. Свою машину решил не брать, просто поймал частника и поехал.

Когда возвращался назад, вспомнил, что дома съестного – шаром покати, и заехал в любимый им «Балко» затовариться. Когда подходил к магазину, ощутил затылком чей-то пристальный взгляд. Интересненько... Незамысловато (чай не за границей) проверившись, обнаружил, что за ним топают целеустремленно два молодых кавказца спортивного вида в черных кожаных куртках. На открытых простодушных лицах этих милых юношей можно было без труда прочесть, что им очень хочется Сергея ограбить и избить просто потому, что он – толстенький богатый лох (такой вот имидж и прикид Волков избрал перед выходом. Ему очень неплохо удавались роли толстячков – природная круглолицесть способствовала), а они – настоящие горские мужчины и абреки.

Парочка проследовала за ним во внутрь магазина. Один джигит остался ждать у камер хранения, второй поперся за Сергеем в торговый зал, незаметно, как ему, наверное, казалось, следуя за ним в нескольких метрах. Сергей вовсю расхулиганился, войдя в образ с полной верой в предполагаемые обстоятельства. Он пришаркивал ногами, сутулился, через каждые два шага протирал очки, достал раз-другой бумажник и пересчитал наличность (с наличностью был полный порядок и соглядатай едва не заплясал лезгинку от радости).

Сергей вышел из магазина и, перейдя через дорогу, сел в подошедший троллейбус. Эти двое следовали за ним как приклеенные. Им, видимо, казалось, что они незаметно ведут свою жертву до первого же укромного места, где они ее, такую беззащитную, изобьют и ограбят. На самом же деле ситуация обрисовывалась несколько в ином виде. Как каждый уважающий себя профессионал, Волков прекрасно знал Москву и практически в каждом районе у него были на примете заветные места, где он без помех мог отследить наличие за собой «наружки», оторваться от нее или же разобраться с преследователями. Вот в такое место Сергей и выдвигался, и не врубившиеся в ситуацию джигиты покорно следовали за ним как бараны на бойню. Кстати, если б можно было, то он добровольно поделился бы с ними всеми имеющимися деньгами и ушел с миром, но прекрасно понимал, что ребятам кроме финансов нужны острые ощущения, а получать травмы в его планы не входило.

Выйдя из троллейбуса, он зашаркал в сторону знакомой подворотни и, почти пройдя вход в нее, вдруг резко повернул направо и вбежал вовнутрь. Заскочив в нежилой двор, повернул направо, опустил пакеты на землю и стал ждать. Через очень короткое время послышался приближающийся топот ног. Сергей внезапно выскочил из-за угла и вытянул напряженную правую руку параллельно земле. Ближайший преследователь попался на классический «шлагбаум», когда верхняя часть тела, столкнувшись с преградой, останавливается, а ноги еще некоторое время по инерции движутся. Как всегда при исполнении этого незатейливого приема, эффект оказался впечатляющим: ноги преследователя взлетели высоко вверх и он смачно приземлился головой о мостовую. Не теряя времени, Сергей двинулся ко второму и на одном дыхании провел простенькую наработанную комбинацию – правой ногой несильный, но резкий удар в голень, тычок пальцами левой в глаза и, наконец, акцентированный удар основанием ладони правой руки под подбородок. При грамотном исполнении этого удара летальный исход почти всегда неизбежен как торжество демократии в обожаемом отечестве.

Так оно и оказалось, смерть наступила мгновенно. Кстати, первому правка тоже не понадобилась: падая, он ударился основанием черепа о бордюр и тоже был готов. Волков быстренько обыскал остывающих, нашел и забрал паспорта, забросил тела в мусорный контейнер, подобрал пакеты и вышел на улицу.

Вечером после ужина, решив немного развеяться, он включил телевизор. Половина программ освещала эпохальное событие – празднование юбилея величайшего юмориста и сатирика всех времен и народов Е. Петросяна. Вторая половина программ посвящалась не менее выдающемуся деятелю шоу-бизнеса – Хазанову. Неудержимо захотелось одновременно блевать и швыряться телевизорами из окна. Стараясь побороть искушение Волков быстренько выключил ящик и остаток вечера провел за книгой.

Глава 8

А казачок-то...

Через три дня после начала работы по клиентам пришло время подвести первые краткие итоги и они оказались неутешительными: со всей очевидностью стало ясно, что ни черта не ясно. Да, Сергей регулярно прослушивал все, что говорится в кабинете у комсомольца Малыгина. Более того, установив уши в квартирах двух его более – менее постоянных любовниц, он получил возможность знать, о чем гуторит сей достопочтенный деятель вне работы.

Так вот, картина складывалась насквозь странная. Взять хотя бы личность самого руководителя. Везде и всюду он передвигался только в сопровождении двух телохранителей – здоровенных быкообразных качков под пару метра ростом и под сто пятьдесят кило весом каждый. Впечатление они, конечно же, производили устрашающее, но только на пионеров и пенсионеров. Без всякого сомнения, эти, с позволения сказать, бодигарды, играючи разобрались бы с несколькими алкоголиками или малолетними (до тринадцати лет) правонарушителями, если б тем вдруг взбрела в голову мысль обидеть их шефа. В то время как, даже не на уровне Волкова, а просто подготовленный человек, без особого напряжения положил бы их вместе с охраняемым и даже не очень бы при этом запыхался. Кстати, в ресторане, где вышеупомянутый Владимир Георгиевич имел обыкновение обедать, эти «специалисты» сидели за соседним столиком и спокойно дули пиво.

А дальше – еще интереснее. Ежедневно с 12.00 до 13.15 и с 17.30 до 18.45 Малыгин проводил совещания, на которых довольно толково раздавал указания по вопросам, обсуждаемым накануне. Если вдруг возникало что-то срочное, требующее немедленного решения, он брал тайм-аут на раздумье до следующего совещания, ко времени проведения которого он обязательно знал и сообщал подчиненным, что делать. Только вот раздумывал он довольно-таки своеобразно. Рабочее время в перерывах между совещаниями он тратил на многочисленные и продолжительные звонки своим бабам, в ходе которых подробно рассказывал им, как ему с ними хорошо, требовательно расспрашивал, как им хорошо с ним и договаривался о встрече с одной из них на вечер-ночь, дабы расслабиться после напряженного рабочего дня («а то ни минуты свободной, все на мне держится, без меня бы тут все...»). Кроме того, он ежедневно звонил и подобострастно общался с тестем, весьма известным в правительственных кругах вельможей Игорем Владимировичем Игнатьевым, который, судя по всему, своего бонвивана-зятя ни в грош не ставил, потому что после каждого из таких разговоров Малыгин долго и гнусно матерился на тему «зажравшегося хама и коммуняки». Вечером он опять проводил очередной сходняк, во время которого толково (не отнять) разрешал поставленные накануне вопросы. А еще он не забывал позвонить дорогой супруге и сообщить

ей, что буквально только что возникла срочная необходимость выехать в Питер (область, любой другой город – ненужное вычеркнуть), что он нечеловечески устал (верилось!), ужасно скучает, скоро разделается со всеми делами, и они, наконец-то, поедут вместе отдыхать, а сейчас ему-де некогда, потому что много чего надо сделать и еще больше – обдумать. Снабдив уши дорогой супруги (довелось Сергею ее увидеть – этакая очень ухоженная вечно тургеневская девушка донельзя глупого вида) достаточным количеством лапши, великий руководитель выезжал на квартиру к одной из своих баб, где много думал и действовал, основном, в плане чего бы еще выпить и как бы после этого трахнуть. Еще он, конечно же, не забывал рассказывать партнерше о своем величии. Судя по всему, Владимир Георгиевич питал к своей персоне глубокое уважение. Действия его тоже не отличались большим разнообразием: он пил, жрал, блевал и трахался, делая это в разной последовательности, но с большим энтузиазмом.

Все это, без сомнения, изрядно стимулировало его мозги, так как на следующее утро свежий на зависть (вот она, школа комсомола) Малыгин блестяще проводил совещание, будучи на 100 % готовым к разрешению накопившихся вопросов и полностью игнорируя оперативное решение хотя бы одного, внезапно возникшего. Если бы Волков не знал, как тот проводит ночи с вечерами, то мог бы подумать, что в качестве советников этого жизнелюба выступают его шлюхи.

По всему выходило, что Малыгин – просто мешок, безмозглый попка, тупо озвучивающий кого-то весьма толкового. Но кого? Кто думает за него и кто дает ему ответы на все вопросы? Кто и как умудряется регулярно снабжать вечно похмельного и вечно в бабах комсомольца ответами на все вопросы и как тот, в свою очередь, передает этому анониму то, что сам никак разрешить не может? А сам тот мог, как стало очевидно, решить только, что соврать дражайшей супруге и у кого из баб зависнуть до утра. Попутно возник еще один вопрос: на хрена он вообще нужен, такой красивый? Но тут все было более или менее понятно: Малыгин – зять и не просто, а кого надо зять, а, кроме того, человек, использующий господина зятя как репродуктор, – не только умный, но и весьма скромный.

Со всей очевидностью стало ясно, что для того, чтобы, наконец, понять, что твориться в конторе у супостата, одной прослушки явно не достаточно. Необходимо еще и видеть это. Сказано – сделано, правда, не сразу, не задаром и не без труда. Да и на ночном визите в стан врага Сергей потерял пуд нервов, не меньше (в офисе по соседству двое молодых однополых менеджеров остались

на ночь, судя по всему, чтобы всласть позаниматься маркетингом, в коридор каждые пять минут зачем-то выбегали, едва не встретились...). Ему удалось закрепить несколько миниатюрных видеоглазков так, что просматривался практически весь кабинет. Еще здорово повезло, что стены были почти сплошь покрыты всякой мишурой – от дипломов и фотографий в рамках, до разного рода выпелов. Один из глазков попал на выпел подразделения «Альфа» (знали бы ребята оттуда, в офис какого говна попала их эмблема). Остальные украсили собой какой-то искусственный экзотический цветок и (прости, Отчизна,) российский триколор.

Пришло время смотреть кино.

Итак, 11.57. На экране привычно одутловатая рожа председателя. Уставший от ночных трудов, он мешком обмяк в своем руководящем кресле, более всего напоминающем трон, жадно пьет что-то с пузырьками из высокого стакана (должно быть, поправляет пошатнувшееся после вчерашнего здоровье).

11.58. Кабинет заполняют приближенные, кто у нас тут? Вайнерман, Рассказов, Кореньков, важные такие все из себя, с ноутбуками... А это кто? Чересчур скромно одетый субъект, всем своим видом напоминающий безвременно постаревший гибрид белой моли и канцелярской крысы. Держится очень скромно, можно сказать, одновременно со всеми присутствующими подобострастно, незаметненько так пристроился в уголке и прикинулся ветошью.

12.06. С небольшой задержкой (шеф отлучался в отдельную комнату при кабинете, пописать, видимо) начинается совещание. Соратники по очереди и наперебой высказываются о наболевшем, Малыгин надувает щеки. А Крысомоль? А тот сидит себе и что-то черкает в блокнотике.

13.16. Совещание заканчивается и присутствовавшие тянутся к выходу, но не все. Тот самый тихий и незаметный остается. Дождавшись ухода ближайших сподвижников, покидает свой угол и садится на край стола обожаемого руководителя, берет из лежащей на столе пачки сигарету и непринужденно закуривает. А ну-ка лицо его крупным планом... Надо же, нет на физиономии и следа забитости и покорной придурковатости. Теперь у него сильное такое лицо, спокойное и властное и взгляд жесткий.

В течение пары минут бывшая Крысомоль развязно покуривает хозяйский табачок, пуская дым колечками. И, что интересно, лицо великого и ужасного Малыгина напротив разом потеряло привычные ему властность и величие и обрело покорность и даже некоторую робость. Забросив окурок в стакан с неустановленно шипучим напитком, непонятно кто вместе с непривычно подобострастным Малыгиным удаляется в личные апартаменты главы компании. Туда, кстати, Сергей подслушку поставить не смог (уж больно не понравился замок на двери, вот и решил попусту не рисковать).

13.38. Двое выходят, Малыгин, расцветая и бронзовея, идет к своему трону, а Крысомоль, на ходу меняя выражение лица на привычно никакое, идет к выходу из кабинета, причем – с портфелем, а заходил на совещание без него.

За последующие почти три часа господин Малыгин успел съездить на обед и вернуться в офис, где продолжил заниматься рутинным каторжным трудом: что-то привычно врал жене по телефону, ворковал по телефону же с многочисленными поклонницами, время от времени вызывал к себе подчиненных и метал в них молнии начальственного гнева пополам с громами.

16. 56. В кабинете опять появляется Крысомоль с портфелем. Не отвлекаясь на курение и мелкое хамство руководителю, сразу же следует к заветной двери. Малыгин тут как тут. Открывает ключом дверь и парочка заходит.

17.05. Курьер и чье-то доверенное лицо (а кто же еще?) выходит без портфеля, а Малыгин – с бумагами, которые изучает вплоть до начала совещания.

17.30–18.40 – совещание, присутствуют все те же. Мудрый руководитель, демонстрируя прямо таки выдающуюся при его образе жизни память, лишь изредка заглядывая в бумаги, вещает и разруливает, Крысомоль делает записи. После окончания совещания картина привычно повторяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shuvalov_aleksandr/perevodchik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)